

А. Б. Иванов,
журналист

Голубой ливень

Сотня, расчлененная блужданием по лесу, в беспорядке высыпала на чистое. В полуверсте от них на опушке венгерские гусары рубили прислугу русской батареи.

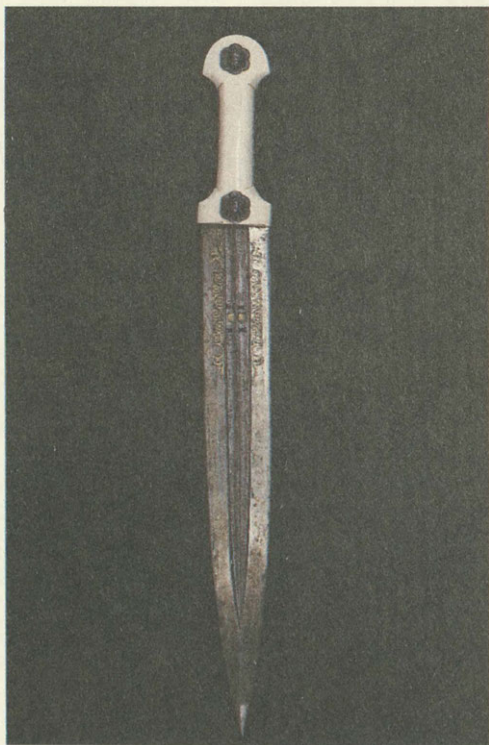
— Сотня, стройся!

Не успели разомкнуть строй:

— Сотня, шашки вон, в атаку марш-марш! Голубой ливень клинков... Сотня, увеличивая рысь, перешла на намет.

Шолохов. «Тихий Дон»

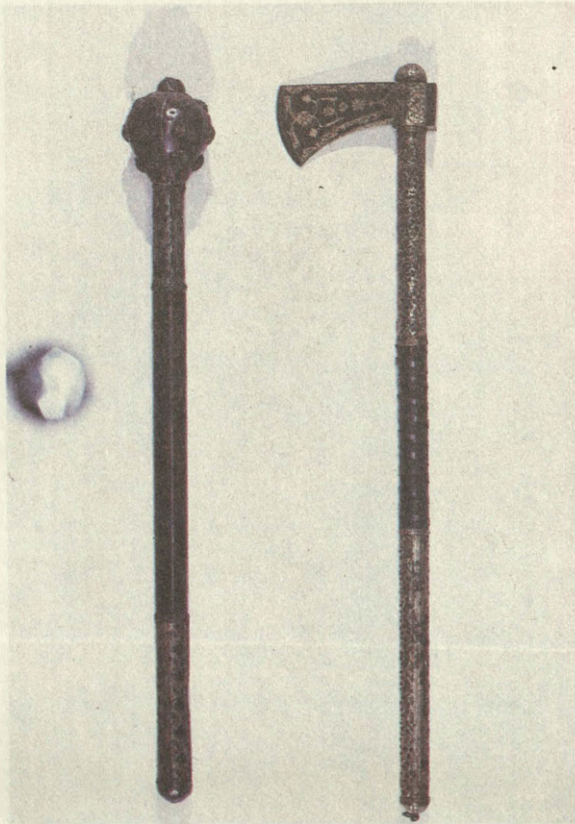
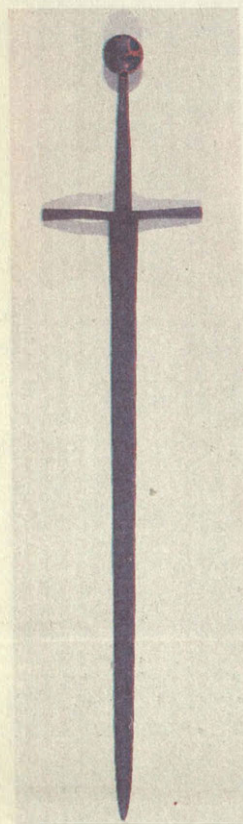
Кавказский
кинжал

Шпаги
XVIII века.
Все
оружие,
представленное
на иллюстрациях
к статье
«Голубой
ливень»,
из коллекции
ГИМА.

И в гражданскую, и даже уже в пору «войны моторов» — в Великую Отечественную — вылетали из ножен клинки и обрушивался на врага смертоносный голубой ливень. Символом мужества и побед застыли на бархате музейных витрин шашки и сабли, палаши и мечи русских воинов многих поколений, офицерские шпаги, морские кортики, тесаки саперов и пехотинцев. Своеобразным памятником доблести и славы Отечества хранит народ оружие минувших битв, разное, и в том

Копья русских
ратников
XVII века.

Бердыши
XVII века

Меч XV века

Булава (слева).
Топор.
XVII век.

числе то, с которым сходились с врагом лицом к лицу, обрушивая на него холодную беззвучную молнию разящей стали, — его так и называют «холодным». Или иногда «белым», за цвет отполированного металла лезвий.

Много чувств и мыслей рождает оно, любовно сберегаемое, окруженное почетом. Но, держа руку на сердце, спросим себя: хорошо ли мы знаем этих спутников ратных дорог наших предков? Отличим ли, к примеру, палаш от кончара, а шестопер от перначка? И представляем ли зримо, каков точный смысл таких слов, как «харалужный», «подсаадашный», «елмань», «голомень» и так далее? Можно не сомневаться, что большинству придется ответить — нет. Между тем пусть даже не подробное знание — для него потребовались бы долгие годы и многие тома отнюдь не всегда доступных книг, — но хотя бы общее знакомство с оружием ушедших эпох поможет явственнее ощутить доблесть защитников родной земли, оценить вековечное мастерство русских оружейников, наполнить зримым содержанием картины жарких схваток с недругами Отечества.

Для человека конца двадцатого столетия в слове «меч» воспринимается в первую очередь смысл иносказательный: меч сейчас — символ оружия вообще, воплощение идей порой возмездия, порой защиты. Впрочем, эти смысловые значения понятие «меч» несет уже не первую сотню лет. Прошли века с тех пор, как в арсенале русского воина меч перестал быть реально употребляемым оружием. Но именно с него следует начать рассказ о том, чем были за Родину наши предки.

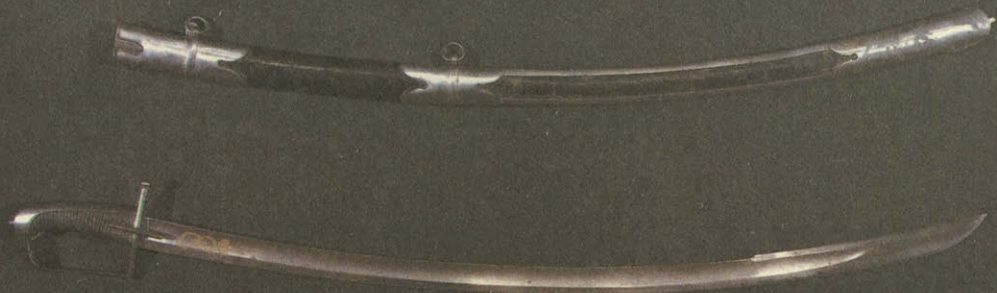
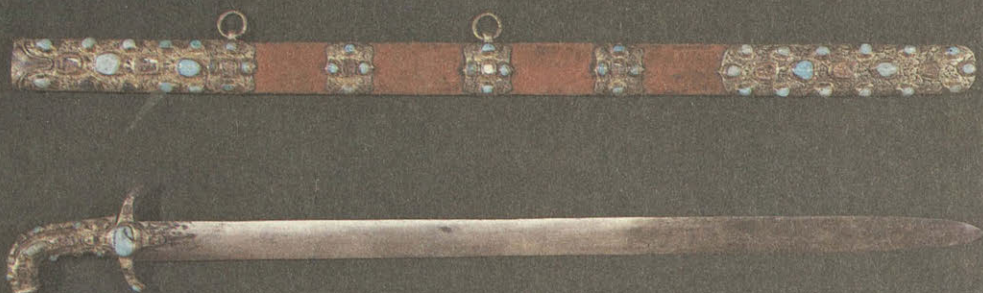
Начнем с устройства. Оно несложно: клинок и рукоять. Однако таких слов вы в старинных описаниях не встретите: вместо них говорили — «полоса» и «крыж» (то есть «крест»). Плоскую сторону полосы называли «голомень», на ней часто выбивались продольные углубления — «долы» или же выковывалось ребро, придававшее полосе добавочную прочность. Мечи затачивались с двух сторон, режущая часть называлась «лезом» (родство этого понятия со словом «лезвие» очевидно; в некоторых областных диалектах сохранилось слово «лезо» в значении «острие ножа»). Два леза на полосе — меч. Один — тогда оружие называлось тесаком (так же назывались укороченные клинки — вспомогательное оружие русских пехотинцев в XVIII—XIX веках).

За время своего существования меч видоизменялся, и очень сильно. Дружинники первых киевских князей ходили в походы с мечами, приспособленными

только для рубящего удара: в летописях часты фразы типа «посокоша мечем». О том же говорят и находки археологов. Поскольку на колющий удар особенно не рассчитывали, конец полосы либо просто закруглялся, либо немного суживался, но тоже не был заострен. Длина меча составляла 80—90 сантиметров, ширина полосы в верхней ее части достигала 5—6 сантиметров, толщина — около 4 миллиметров. Рукоять — «крыж» — часто украшалась: у князей и бояр золотом или серебром, у простых дружинников — бронзой.

Крыж состоял из трех частей — навершия, самой рукояти и перекрестия (их старинные названия — «яблоко», «черен» и «огниво»). Навершие мечей раннекиевской поры было довольно массивным, полукруглым, перекрестие — прямым и не особенно большим; оно помогало прочнее держать меч в руке. Однако прямое огниво мешало размаху, особенно при рубке с коня, поэтому начиная с X века киевские и черниговские, а за ними следом и другие русские кузнецы начали выковывать изогнутые к лезвию перекрестия, закруглялась вверх и нижняя часть навершия. Такие мечи позволяли наносить гораздо более мощные удары.

Когда в музеях мы смотрим на сохранившиеся остатки мечей той далекой эпохи — иной раз обломанные, зазубренные, изъеденные ржавчиной, трудно представить себе, насколько сложным и тонким делом было изготовление этого простого на вид оружия. В последние десятилетия исследования археологов и специалистов-металловедов раскрыли до конца производственные секреты древнерусских кузнецов. Кажущиеся однородными, клинки на самом деле — составные. Нередко на железную основу полосы стальные лезвия наваривались (этот термин не должен вводить в заблуждение: для сварки отнюдь не обязательны электроды или газовая горелка, ее испокон веков умели производить с помощью обычного кузнечного горна, наковальни и молота). В других случаях клинок сваривали из нескольких отдельных полос — железных и стальных или только стальных, но различной твердости и упругости. В итоге получался материал, позднее названный сварочным булатом; он немногим уступал знаменитым литым булатам Востока. Характерно, что русские мечи весьма высоко ценились и в тех странах, где настоящий булат был хорошо известен и широко применялся: «удивительными» и «редкими» назвал произведения русских оружейников великий хорезмский ученый-энциклопедист Бируни (973—1048). Русские мечи были высоко ценным товаром в международном обмене тех времен.

Есть веские основания полагать, что не раз упоминающиеся в «Слове о полку Игореве» «мечи харалужные» — это как раз такие, полосы которых изготовлены из сварочного булата, булатные — так и переводят их название переводчики «Слова». И хотя языковеды и спорят о происхождении самого слова «харалужный», «харалуг», значение его как синонима твердости и крепости бесспорно — ведь говорит же в «Слове» князь Святослав о своих сыновьях Игоре и Всеволоде: «Ваю храбрая сердца в жестоцемъ харалузе скована, а в буети закалена» («Ваши храбрые сердца из крепкого булата скованы и в смелости закалены»).

Рубящему удару мечей противостоял первоначально доспех, состоящий из отдельных металлических пластин, нашитых на длинную, обычно кожаную рубаху. Но постепенно на смену ему пришла кольчуга: одежда, состоящая из скрепленных друг с другом металлических колец. Кольчугу, прочную и гибкую, разрубить очень трудно — здесь надежней колющий удар, поэтому оружейники стали все больше заострять конец полосы. Массивные навершия в виде гриба или полукруга сменяются сперва диском, а затем шаром (отсюда название «яблоко»), сама полоса становилась все уже, причем для увеличения ее прочности посередине делался уже не дол, а выпуклое ребро. Немного удлинился черен: для нанесения рубящего удара меч можно было взять двумя руками. Все эти изменения начались примерно в XII веке и определили форму позднейших мечей вплоть до конца их ратного пути. Но до него во времена «Слова о полку Игореве» было еще далеко — и полвека спустя, когда вторглись на Русь орды Батые, и через двести лет — на поле Куликовом, и даже в XV веке меч русского ратника был грозой для врага.

Могущественным соперником меча еще в X веке стала сабля — оружие с изогнутой полосой, более легкое, но не менее грозное. Как писал на рубеже нашего столетия известный специалист по истории оружия Э. Э. Ленц, «сабля значительно превосходит прямую полосу меча своими боевыми качествами, так как соединяет в себе раздробляющее, раскалывающее действие топора с распарывающим, режущим действием ножа и, наконец, с колющим, пронзающим действием шила... Несмотря на разницу в весе, кривой клинок немногим уступает прямому в силе удара, если только изгиб его рассчитан правильно и с соблюдением надлежащего распределения центров тяжести и удара». Некоторые теоретики полагают, что если меч — это отдаленный потомок копья, как бы его вытянутый наконечник на коротком, обратившемся в рукоять древке, то саблю можно считать потомком

топора — вытянутым в длину и существующим отдельно лезвием. Но так или иначе, сокрушительное действие сабельного клинка несомненно.

Уже во времена «Слова о полку Игореве» сабля была не менее характерным оружием русской рати, чем меч. Вспомним слова «буй тура» Всеволода: «луци у них напряжени, тули отворени, сабли изюстрени» («луки у них натянуты, колчаны отворены, сабли изострены»). В «Слове» же читаем «ту ся саблям постучати о шеломы половецкыя на реце на Каяле у Дону великаго». Чем ближе к нашему времени, тем больше сабель становилось у русских воинов, и к началу истории Московской Руси сабля решительно оттеснила меч на второй план: для конного воина сабля гораздо удобнее, а конница к тому времени стала преобладающим родом войск.

Как и у меча, клинок сабли именовался полосой, рукоять — крыжом; изогнутая, режущая часть называлась лезом,

Парадная сабля
Д. М. Пожарского

Палаш воеводы
Скопина-Шуйского.
Начало
XVII века

Сабли
XVII века

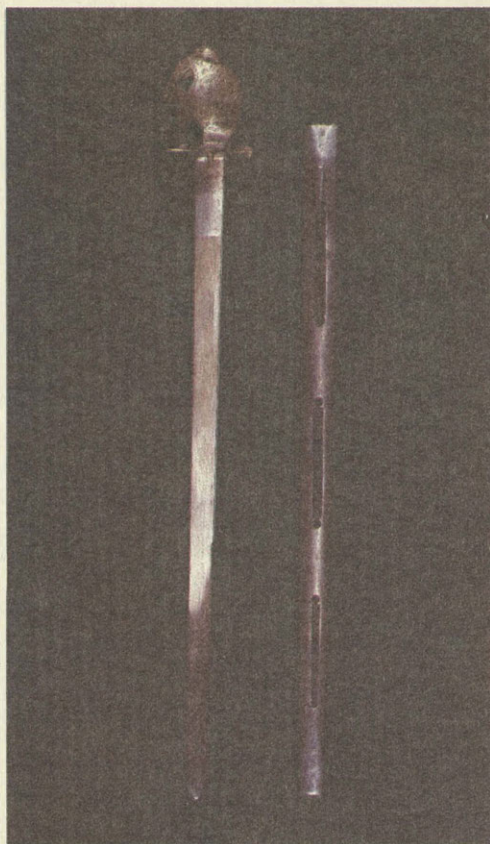
Сабли
XVII века.
Утолщение
клинка — елмань

Золотое оружие
(шпага)
XIX века

противоположная, тупая — тыльем. Расширенная нижняя часть (ее делали отнюдь не всегда, предназначалась она для усиления удара) имела особое наименование — елмань. В набалдашнике крыжа просверливалось отверстие, сквозь которое пропускался темляк, кожаная петля, обычно с кистью. Темляк надевался на руку и не давал выронить оружие при неожиданном сильном ударе по нему. Сабли носились в пристегивающихся

Солдатский
палац
XVIII века

Эфес
офицерского
палаца. Конец
XVIII века

к поясу ножнах, чаще всего деревянных, сверху покрытых кожей, тканью или иными материалами; металлические оковки на ножнах назывались обоймицами. В некоторых случаях ножны делались целиком из металла.

Верхняя часть ножен, та, что ближе к рукояти, называлась устьем, нижняя — наконечником; говорили еще об этих частях ножен — «верхний» и «нижний» оков. Начиная со времени Петра Первого сабельную рукоять стали звать эфесом, а появившиеся тогда же дужки от набалдашника к перекрестию, предназначавшиеся для защиты кисти руки, — гардами. Перекрестие же иной раз стало выполняться в форме чашки и так же и звалось.

Сабля просуществовала многие века. Именно с ней шли в атаку на врага русские гусары и уланы (у улан были на вооружении еще пики), воины других полков легкой кавалерии. Образцы форменного оружия менялись довольно часто, и точное их определение порой достаточно сложная задача даже для специалиста. Сабли со второй трети XIX века стали вооружением и офицеров пехоты. Были еще известны полусабли — вспомогательное оружие пехотинцев, близкое к тесакам, но с несколько более изогнутым клинком. Разновидностью сабли можно считать и шашку: отличия незначительны — чуть менее изогнутый клинок шашки, позволявший легче наносить колющие удары. Заимствованная у народов Кавказа, шашка сперва получила распространение в казачьих войсках, потом стала оружием расквартированных на Кавказе драгун, а с восьмидесятых годов прошлого века осталась единственным видом строевого холодного оружия. Шашка служила бойцам во время гражданской войны и позднее. Сейчас это оружие сохранилось в виде принадлежности многих воинских ритуалов — у ассистентов знаменосцев, в почетных караулах и т. п.

В отличие от мечей сабли в немалом количестве образцов сохраняются в экспозициях и фондах музеев, да и в частных коллекциях они попадаются. Особенно интересно наградное оружие: в Оружейной палате, Эрмитаже, Государственном Историческом музее, Артиллерийском историческом музее хранится немало нарядных, искусно и любовно украшенных шашек и сабель, воплотивших благодарность Отечества своим героическим сынам. На их эфесах можно увидеть и белый эмалевый крестик и черно-оранжевый «георгиевский» темляк — знак высшей награды за доблесть, Золотого оружия, или красный крестик — знак ордена Анны четвертой степени, отмечающий храбрость многих русских офицеров.

Торжество сабли отнюдь не прекратило существования оружия с прямой полосой. Более того, в годы реформ Петра Первого такое оружие вновь на время возобладало: рядовые и офицеры пехоты получили на вооружение шпаги, кавалеристы (драгуны и кирасиры) — палаш. Вглядимся подробнее в эти красноречивые памятники немолчного «грома побед» XVIII и XIX веков.

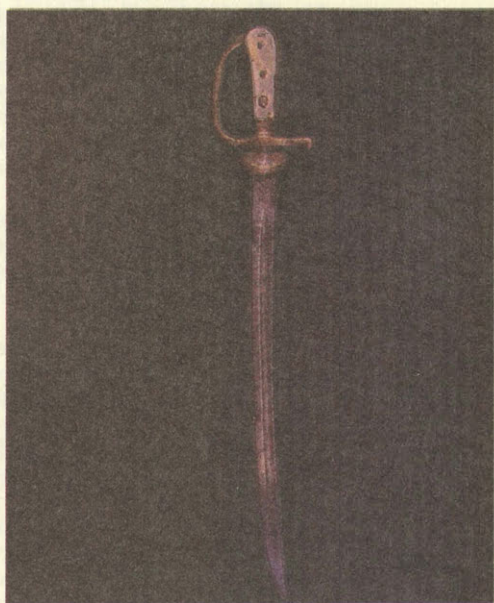
Шпага (слово это заимствовано в XVII веке из итальянского языка, где «Spada» означает либо меч, либо именно шпагу) представляет собой позднюю форму развития меча. У шпаги прямой узкий клинок с двумя лезвиями, обоюдоострый, приспособленный только для колющего удара, плоской формы (шпага с гибким многогранным клинком называется рапирой; она никогда не была боевым оружием, а использовалась для поединков и спортивного фехтования). Эфес шпаги закрытый, с одной или несколькими гардами-дужками, порой причудливо переплетенными или соединенными в виде щитков. У основания рукояти — чашка, нередко с отверстиями, в которые можно было поймать клинок противника. Эфесы палашей напоминают шпажные, клинки у них шире. В отличие от шпаги палаш потомком меча считать нельзя; скорее, это сабля с выпрямленной полосой, иногда на ней делалась елмань, подобная сабельной. Палашом можно было рубить, его использовали русские воины и в допетровские времена. С середины прошлого века палаша вышли из употребления русской армии в качестве боевого оружия, в других же странах состояли на вооружении и позднее — в «Тихом Доне» Григорию Мелехову приходится сражаться с венгерскими кавалеристами, вооруженными палашами. Шпага была снята с вооружения еще раньше: у солдат пехоты она продержалась до середины XVIII века и была заменена уже упоминавшимися тесаком и полусаблей, а у офицеров дожила до 1830-х годов, уступив место сперва сабле, а затем шашке. Шпаги уменьшенного размера были принадлежностью парадного мундира гражданских чиновников вплоть до самой революции, но их едва ли можно считать настоящим оружием.

К числу близких родственников меча, помимо шпаги, относятся еще два вида оружия, один из которых общеизвестен — это кортик, другой же знаком далеко не каждому и называется кончар. Кончар — оружие узкоспециализированное: трех- или четырехгранный клинок, довольно длинный, порою до полутора метров в длину, с открытой рукояткой и небольшим круглым щитком вместо перекрестья. Внешне он сходен с рапирой, но, в отличие от нее, не способен гнуться.

Кончары предназначались для пробивания кольчуг и использовались в допетровское время; большого распространения они не имели, но все же в музеях, в частности в Оружейной палате, можно видеть их образцы.

Кортик, донныне входящий в число принадлежностей парадной формы офицеров нашей армии, своего рода потомок шпаги. Нынешние кортики невелики по размерам и больше походят на небольшие узкие кинжалы или ножи, кортики же прошлого века, а еще более — восемнадцатого, значительно ближе к своему прообразу. Первоначально кортик использовали при нередких еще тогда абордажных схватках; позже они стали парадным оружием и в этом качестве дожили до наших дней. Кортики тоже бывали наградами — таково Золотое ору-

Полусабля
XVIII века

жие лейтенанта С. О. Макарова, будущего знаменитого адмирала, хранящееся ныне в Центральном военно-морском музее в Ленинграде. Отважный моряк получил его за свой героизм в годы русско-турецкой войны 1877—1878 годов, когда русские минные катера под его командованием потопили турецкий броненосец.

Наконец, в семействе холодного оружия с клинками есть еще кинжалы и ножи. Кинжалы бывали с прямыми и изогнутыми клинками, всевозможных размеров и форм. И XVI и XVII века оставили в музеях немало их образцов. В регулярной русской армии они почти не употреблялись, за исключением изогнутых кинжалов — бебутов, которые стояли на вооружении артиллеристов в конце прошлого и начале нынешнего века. А у казаков — кубанских, терских — были пря-

мые кинжалы кавказского типа, такие же, какие и до наших дней остаются принадлежностью национальной одежды многих горских народов. Ножи вплоть до реформ Петра широко использовались русскими воинами, были надежным помощником в ближнем бою. Делились они на несколько разновидностей: в голенищах сапог ратники носили ножи «засапожные», небольшие, нередко изогнутые; ножи запоясные были короткими, с двумя лезвиями; ножи «подсадашные» носили лучники вместе с принадлежностью для лука — саадаком, состоявшей из «налуча» — футляра для лука и «тула» — колчана со стрелами. Подсадашные ножи делались довольно длинными, однолезвийными, лезвие к концу слегка изгибалось; они подвешивались у пояса в ножнах. При виде них вспоминаются и строки «Слова о полку Игореве», где воины князя Ярослава «бес щитов, съ засапожники» побеждают неприятеля, и летописные свидетельства мужества защитников Козельска: «Козляне же ножи резахуся с ними» — в тесноте проломов, пробитых в стене ордынскими таранами, и еще многие трудные и славные миги нашей ратной славы.

Летописи, сказания, древние былины порой подробно, порой мимолетно перечисляют то, чем преграждали путь врагу наши предки. И множество раз говорится там об оружии на древках. Было оно разнообразным — это прежде всего копьа различных видов, это всевозможные топоры, это, наконец, оружие ударное — палицы, булавы и т. д. Историческая судьба у каждого вида такого оружия складывалась неодинаково. Наиболее долговечным оказалось копье: в своей поздней форме под именем «пика» оно дожило до XX века. С пиками ушли в поход русские кавалеристы в 1914 году, с нею ходили в атаку бойцы Первой Конной, и еще на довоенных парадах на Красной площади можно было увидеть кавалеристов с этим оружием в руках. «Пика» — слово сравнительно молодое, в русский язык пришло во времена Петра Первого из польского. Но и для поляков оно не исконное: заимствовали они его из немецкого языка, немцы же — от французов; а те создали существительное «*pique*» от глагола «*piquer*», в переводе означающего «колоть». Слово «копье» — куда более древнее, общеславянское: языковеды возводят его к глаголу «копати», первоначальный смысл которого — не только «копать» в значении «рыть», но и «бить, ударять».

Историкам оружия известно большое количество видов копьа, но все они делятся на две большие группы: копьа бывали ударные, для нанесения прямого колющего удара, и метательные. Последние в русском языке имели специальные назва-

ния — дрот, дротик, сулица; разница между всеми ними невелика. Ударные же так и назывались копьем (особенно крепкие копьа с широким плоским и длинным наконечником именовались рогатинами и употреблялись пешими ратниками, а также для охоты на сильных и больших зверей, прежде всего на медведей). Все копьа имели одинаковые части и устройство: острый наконечник и древко, последнее иногда с металлической оковкой — «подтоком» — на противоположном наконечнику конце; непосредственно режущая часть носила название пера (а у рогатины звалась кошем), трубка, с помощью которой наконечник насаживался на древко, называлась тулеей, между ней и пером часто делался шарик-яблоко. Древки в старину называли ратовищем (у рогатины — скепищем). Подток усиливал прочность копьа, а у метательных образов служил своего рода противовесом, облегчавшим метание и улучшавшим полет. Ратовища иной раз обтягивались тканью или кожей, особенно у парадного оружия, украшались копьа и кистями, для ношения снабжались кожаным темляком. Небольшие метательные копьа носились в специальных ножнах — их называли «джид» или «джерид», там же носился и длинный нож или однолезвийный тесак, и воин, истративший свои дротики, не оставался безоружным. В джиде было несколько дротиков, подвешивали его к поясу.

Любое копье предназначалось для колющего удара. В противоположность этому другой обширный класс оружия на древках — топоры служили только для нанесения рубящих ударов. Боевые топоры были древнейшим оружием славян и уже в доисторическую эпоху достигли высокого совершенства, что отмечали в своих хрониках многие византийские авторы. Подтверждают это и находки археологов. Как и мечи, топоры имели приваренные стальные лезвия, на которые нередко надевались специальные наподобие ножен чехлы, предохранявшие их от повреждения. Не следует думать, что русские ратники в бою пользовались теми же топорами, которыми рубили деревья или обтесывали бревна. Но, конечно, топор был все же доступней рядовому ратнику, чем меч — оружие профессионального воина-дружинника; впрочем, и с одним топором можно было проявить чудеса героизма: автор «Жития Александра Невского» пишет об участнике Невской битвы со шведами новгородце Збыславе Якуновиче: «Сей наехав многажды бьшася единым топорком, не имевша страха в сердци своем, и паде неколико от топорка его. Подившася князь Александр Ярославич силе его и храбрости его».

Боевые топоры имели немало разновидностей: некоторые служили вспомогательным оружием конника, заменяя потерянные в бою меч или саблю (такие топоры не были очень большими и обычно подвешивались к седлу); топоры пеших воинов были крупнее, их разновидность — бердыши — совсем большими. Поставленный на землю «втоком» — оковкою на конце древка, бердыш верхним концом своего похожего на полумесяц лезвия был вровень с плечами воина. В XVII веке бердышами пользовались стрельцы, иной раз как подставкой для своих пищалей и мушкетов. Детали устройства всех топоров мало отличались друг от друга: древко называлось топорщиком, лезвие — лезом, противоположная ему сторона — тыльем или обухом. Топорища иногда покрывались кожей, сукном или атласом, у небольших парадных топоров иногда даже листовым чеканным серебром.

Еще богаче, особенно в XVI — XVII веках, украшалось ударное оружие — прямой потомок увесистой дубины-палицы, превратившееся со временем в знак власти военачальника. На древко (его часто называли топорщиком) насаживалось металлическое яблоко, нередко с шипами — тогда получалась булава. Если вместо яблока на древке укреплялось граненое утолщение, оружие называлось брусем, если металлические «перья» — то «пернат» или «пернач». Перначи с шестью перьями имели особое наименование — шестопер. Наконец, оружие, напоминающее молот и имевшее заостренный «клюв», звалось «клевец», или «чекан». Первоначально все эти виды оружия предназначались для нанесения оглушающего удара по шлему врага (отсюда «ошеломить») и были дополнением к мечу или сабле; позднее они превратились в почетные жезлы. С булавой в руках или за поясом изображается на портретах Богдан Хмельницкий — верховный вождь, «гетман», украинского казачьего войска. Шестоперами указывали дорогу своим полкам воеводы московского войска. Брал в руки богато украшенный пернач, вступая в свою должность, войсковой атаман донских казаков. Такое оружие в некоторых старинных текстах зовется словом татарского происхождения «буздыхан» или «буздуган»; в употреблении оно было недолго, уступив место равнозначному русскому понятию.

Как и любое оружие минувших времен, пернаты, шестоперы и булавы — памятники ратной славы, тем более что в большинстве случаев они связаны с историческими именами. Но не в меньшей степени их можно считать произведениями особой, занимавшей важное место в ряду прочих ветви декоративного искусства.

Едва ли можно отыскать такой материал, такой художественный прием, который бы не использовался русскими оружейниками — и теми, чьи имена дошли до нас, и еще более многочисленными безыменными. Чеканка и гравировка по металлу, инкрустация, резьба, роспись, украшение эмалью росписной и перегородчатой, позолота, чернь, мозаика — вот далеко не полный перечень того, чем украшались клинки и рукояти, ножны и древки оружия.

...Отражаются в разящей стали золото нив и синева спокойного неба российских просторов. Но спокойствие — кажущееся. Ибо именно этой голубизной вспыхивал грозный стальной ливень и губельно обрушивался на недруга, бессчетное число раз подтверждавая вековечный девиз нашего народа: «Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет».

Вл. Г. Левченко,
журналист

Первый кавалер солдатского Георгия

В 1769 году был учрежден русский военный орден Георгия Победоносца. Орден этот, вошедший в историю под именем Георгиевского креста, имел четыре степени и выдавался только офицерам и генералам за конкретные воинские заслуги, за отвагу на поле боя. Первым его кавалером стал подполковник 1-го гренадерского полка Федор Иванович Фабрициан, награжденный крестом третьей степени. Черно-оранжевая лента, на которой носился орден, быстро стала символом русской воинской доблести, и сейчас на ней носится советский трехстепенный орден Славы.

В феврале 1807 года учреждается солдатский Знак Отличия Военного Ордена, также носившийся на георгиевской ленте и получивший обиходное название «солдатского Георгия»; в 1913 году это название стало официальным, и нижние чины